

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРВИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериял «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце *Femme Fatale*
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции

Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦИНА

ЛЕДИ
И ОДИНОКИЙ
СТРЕЛОК

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.

В31 Леди и одинокий стрелок : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Любовь. Интрига. Тайна).

ISBN 978-5-04-097037-7

Когда Амалия, секретный агент русского императора, оказалась на Диком Западе, ей пришлось усвоить несколько правил. Во-первых, красивой девушке ни при каких обстоятельствах нельзя терять голову. Во-вторых, не стоит доверять поездам — их слишком часто грабят. В-третьих, лучше ни с кем не открывничать, особенно если хочешь первой найти баснословное сокровище. И самое главное: ни в коем случае не ссориться с Билли по прозвищу Пуля — он никогда не промахивается...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097037-7

© Вербинина В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ЧАСТЬ I

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПИАНИСТА

1

Ручаюсь, ни одному рассказчику не доводилось начинать свой рассказ в столь неудобном положении. Мою шею охватывала веревочная петля, руки были связаны за спиной, а кончиками пальцев ног я что было сил пытался удержаться на гребне скользкого серого камня, явно не предназначенного для балетных упражнений. Другой конец веревки был закреплен на ветке толщиной этак с талию сенаторской жены, которая не склонна морить себя голодом. Думаю, если бы на этой ветке подвесили еще с десяток бедолаг вроде меня, она бы и то не треснула, и мысленно я уже видел сонм приветливо плещущих крыльями ангелов, готовых отконвоировать меня туда, откуда никто не возвращается. Кое-как мне удавалось еще сохранить равновесие на этом треклятом камне, но я чувствовал, как петля все туже стягивается у меня на глотке, и отчаянно ловил воздух ртом. Со стороны, наверное, это могло выглядеть смешно, и мои палачи отнюдь не скрывали, что веселятся от души. Жаль, что я не мог посмеяться вместе с ними.

А ведь, казалось, все так хорошо начиналось!

Я приехал в Ларедо вскоре после Нового года. Ларедо — это заштатный техасский городок, расположенный аккурат на самой границе. До Мексики отсюда рукой подать, и оттого в городе всегда обретается про-

пасть народу, питающего слабость к переездам, как то: шулера, бандиты всех мастей, воры и скупщики краденного, конокрады и прочие милые люди. Нет только сутенеров, и то лишь потому, что монополия на местных шлюх давно уже принадлежит некоему Игнасио Санчесу. Он является хозяином трех игорных домов и лучшего борделя во всем штате Техас, образцового заведения, чья слава гремит от Восточного побережья до Западного, не минуя даже Аляску на севере. Кроме шлюх, Санчес содержит местную полицию, судью, мэра и собственного сына Франсиско, который обходится дороже всех прочих, вместе взятых. Слово сеньора Санчеса — закон, и благодаря ему Ларедо считается территорией, свободной от глупых условностей всех остальных законов. К преступникам он относится снисходительно и редко выдает их, и не один бандит, успевший вовремя перебраться через реку Рио-Гранде на мексиканскую сторону, обязан жизнью хозяину борделя. Все это я знал о нем понаслышке и теперь решил, что настало время познакомиться нам лично.

Кстати, я еще не представился сам — Риджуэй Стил, к вашим услугам. Вряд ли вы читали обо мне в газетах — я не фигурирую ни в светской хронике, ни в объявлениях «Разыскивается полицией». Насколько я понимаю, я вообще ничем не знаменит. Ремесло у меня тихое и, можно сказать, почтенное: я профессиональный игрок в покер, фараон, *монте*, а также во все, что душе угодно, и этим зарабатываю себе на жизнь. Дома у меня нет, семьи — тоже, но к счастью это или наоборот, не знаю. Родом я из солнечной Калифорнии, однако постоянно кочую с места на место. Случилось так, что дорога привела меня в Ларедо, и, привлеченный молвой об этом городке и царящей в нем свободе, я решил задержаться здесь и оглядеться. Никаких особых дел у меня тут не было, да и не могло быть.

Я медленно ехал по главной улице, сдвинув шляпу на затылок и от нечего делать разглядывая прохожих.

Стояла погода, обычная для этих краев — что-то около 70 градусов¹, сухая мелкая пыль клубами поднималась из-под копыт моего коня, и я почувствовал, что мне не хватает океана, его убаюкивающей лазоревой шири. Городок казался словно вымершим. Мне попались на глаза скрюченная в три погибели старуха, чья кожа напояла печеное яблоко, двое смуглокожих, черноволосых сеньорит (одна с изумительной длины ресницами), кабальеро, который небрежно курил сигару под навесом, привалившись плечом к столбу, и мальчик-калека без ног, сидевший в тени возле церкви с деревянной чашкой для монет и смотревший перед собой отчужденным, горделивым взором, плохо вязавшимся с его ремеслом попрошайки. Я спросил у него по-испански, какая гостиница в городе лучшая. Мальчик едва повернул голову в мою сторону, но все же ответил: лучшая гостиница — «Мул и бочонок», и находится она на той же улице, через четыре дома. Я протянул ему монету, которая исчезла в его пальцах так быстро, что я подумал даже, не пригрезилось ли мне, что я только что держал ее в руках. Заглянув в чашку нищего, я заметил, что она пуста.

— Ладно, — уронил я небрежно, — а как тут в смысле игры?

Мальчик подтвердил то, что я уже знал: самые солидные игорные дома принадлежат Санчесу, и вход туда открыт любому, но за порядком следят строго, и если ты попался на плутовстве или отказался уплатить проигрыш, могут быть серьезные неприятности.

— Только сегодня дома вряд ли откроются, — сказал мальчик, глядя на меня исподлобья.

— Это почему? — спросил я.

На сей раз калека все же удосужился посмотреть мне в лицо.

— Вы друг сеньора Санчеса?

¹ По Фаренгейту; около 20 градусов тепла по Цельсию.

— Я даже не знаю его.

— У него произошло несчастье.

Я насторожился.

— Несчастье? Что за несчастье?

— Его сын Франсиско умер этим утром. Вот такие дела.

Не скажу, чтобы я был очень опечален этой смертью, но я определенно подумал, что мне везет, как всегда. Мой ангел-хранитель в очередной раз показал мне фигу.

— Мне очень жаль, — сказал я все же. Из чистого приличия. Кроме того, я не сомневался, что в таких городках, как Ларедо, каждое слово становится известно окружающим и незамедлительно доводится до сведения кого следует. Я не исключал того, что Санчес будет знать о моем прибытии еще до того, как я явлюсь в гостиницу, и поэтому следовало быть особенно осторожным в выборе выражений. — Представляю, как это должно быть неприятно... Отчего он умер?

У калеки вырвался озорной смешок. Его глаза сверкнули.

— Его убили, — коротко отозвался он. — Всадили ему пулю в живот, представляете? Подыхая, он скулил, как собака. Он не хотел умирать, но все-таки умер. Сеньор Санчес — богатый человек, но даже он не смог выкупить у бога душу своего сына.

И вновь последовал смешок. Честное слово, я слегка опешил.

— Похоже, ты его не слишком любил, — заметил я.

— Еще бы, — коротко ответил калека, и в черных глазах его вновь сверкнула, как лунный свет на лезвии ножа, неугасимая ненависть. — Ведь это из-за него я стал тем, что я есть.

Я поглядел на обрубки, торчащие вместо ног. Да, этот мальчик определенно имел право ненавидеть того, кто сотворил с ним такое.

— Он ехал на лошади, — пояснил мой собеседник, дернувшись всем телом. Рот его жалобно покривил-

ся. — И проехал прямо по мне. На полном скаку. — Мальчик улыбнулся злой, совсем взрослой улыбкой. — А теперь я увижу, как его будут хоронить. Хорошо, что он сдох.

Как и все страдающие люди, этот ребенок и ненавидел свою боль, и лелеял ее. Последнее слово он произнес с особым удовольствием.

— Я думал, Санчес — хозяин города, — заметил я осторожно. — Как же такое могло произойти с его сыном?

— А-а, — протянул мальчик. — Его застрелила девушка, которую они вчера привезли.

Я облился холодным потом и тоскливо оглянулся на желтую от пыли улицу. Положительно, этот город нравился мне все меньше и меньше.

— И что же с ней стало?

— Ничего. Она сбежала. — Калека усмехнулся. — Ранила еще привратника борделя, охранника и мамашу Чавес. Вот так. Надеюсь, они ее никогда не найдут, не то ей плохо придется.

Я понял, что он говорит о девушке, а не о мамаше Чавес.

— Сегодня все идут к Санчесу, — продолжал калека, вертя в руках чашку, — выразить соболезнования по поводу его сына. Даже бордель и тот закрыли, пока Франсиско не похоронен.

Это уже и впрямь было серьезно. Я достал платок и вытер лоб под шляпой.

— Наверное, мне тоже стоит туда сходить, как ты думаешь?

Глаза мальчика погасли. Он отвернулся с деланным безразличием.

— Делайте что хотите, сеньор.

— Не сердись, малыш, я всего лишь гость в этом городе и не хочу ни с кем ссориться. Как мне найти дом Санчеса?

Нищий вздернул подбородок.

— Поезжайте по этой улице прямо. Как увидите сви-

нюю, сверните налево. У Санчеса единственный в городе дом в три этажа.

— Свернуть после свиньи? — озадаченно переспросил я, решив, что забыл испанский.

— Да, она всегда лежит на одном и том же месте.

Я опустил еще одну монетку в его ладонь, поблагодарил за сведения и поехал в «Мул и бочонок». Это было простое здание в два этажа с покатою крышей. В зале девушка с небрежно подколотыми прядями волос мела пол, больше поднимая пыль вверх, чем наводя чистоту. За стойкой стоял хозяин. Один вид его здоровенных кулаков, которыми он опирался о прилавок, мог усмирить четверку взбесившихся лошадей. Несколько человек за столом у окна играли в монте, и, проходя мимо, я заметил краем глаза, что по меньшей мере двое из них играют нечисто.

— Гринго? — прохрипел хозяин, недружелюбно оглядывая меня с ног до головы.

Я изобразил на лице улыбку.

— Мальчик у церкви сказал, что у вас лучшая гостиница.

— Это мой племянник. — Настороженности в его лице заметно убавилось, и эта фраза получилась у него мягче, чем предыдущая. — Ладно, ступай за мной. Лошадь оставь Пепе, он о ней позаботится. Надолго в наш город?

— Как получится.

Заплатив за два дня вперед, я прошел в комнату, сел на кровать, бросил сумку на стул и огляделся. Бедно, но более-менее чисто. Правда, простыни несвежие, но вряд ли в Ларедо на такие мелочи обращают внимание. В дверь кто-то тихонько поскребся, и мгновение спустя на пороге показалась та самая растрепанная девушка, которую я уже видел с метлой в руках. Она присела, мило улыбнулась и протянула мне кувшин с водой.

— Не желает ли сеньор что-нибудь еще?

Вопрос был дьявольски двусмысленный. Сеньор же-

лал кучу вещей. В частности, очутиться сейчас где-нибудь в другом месте, где игорные дома открыты и траур не соблюдают столь неукоснительно. Но любопытство призывало сеньора остаться.

— Расскажите мне о сыне Санчеса.

Она шмыгнула носом, плюхнулась на стул (с которого я уже успел убрать сумку) и стала всхлипывать, причитая: ах, Франсиско... Такой красавчик, такой обходительный, такой... такой мертвый! И подумать только, что его пришила какая-то потаскуха, которая и гроша ломаного не стоит. Впрочем, сеньор Санчес отвалил за нее целых 350 долларов, но как смела она прикончить Франсиско, который и мухи не обидел? Такие, как эта девица, позорят весь женский род, и Эухения (фею метлы звали именно так) искренне надеется, что с нее живьем сдерут кожу, когда поймают...

Я подумал, что было бы по меньшей мере неразумно сдирать кожу с леди, которая стоит столько же, сколько небольшой дом с участком в придачу, но мысли свои оставил при себе.

— А сеньор Санчес сейчас у себя?

— Да, — оживилась Эухения. — Тут недалеко, дойти до свиньи и повернуть...

Решительно некуда было деваться от прямо-таки мистической свиньи в этом городе. Я поблагодарил Эухению, вручил ей монетку и намекнул, что хочу побыть один.

Девушка ушла, как мне показалось, нехотя. Я умыл лицо и руки и в который раз спросил себя, что я забыл в этом городке. Но, в конце концов, он был не лучше и не хуже других, и у его обитателей наверняка имелись деньги, которые они мечтали спустить мне в карты если не сегодня, то завтра точно. К тому же я уже уплатил хозяину за два дня.

Не додумавшись более ни до чего особенного, я заказал себе еду в номер, поел и решил прогуляться. Тени удлиннились, и повеяло вечерней прохладой. Народ вы-

сыпал на улицы, переговариваясь с чисто мексиканской неутомимостью. Я прошагал добрые триста шагов, но никакой свиньи не заметил. То же самое повторилось еще через триста шагов: я уперся в ограду кладбища и должен был вернуться. Солнце садилось за горизонт. Оно было не желтое, не красное, не золотое, а белое, сухое и неласковое. И из этого солнца на меня выехал всадник.

Я едва успел отпрянуть к стене. Всадник был запыленный, уставший и хмурый, как и его лошадь. На вид ему было лет шестнадцать, если не меньше, выгоревшие на солнце волосы спускались из-под шляпы на глаза. На шее всадника был повязан щегольской платок, по-моему, сиреневого цвета, за поясом торчали два револьвера. Он слегка тронул отделанную перламутром рукоятку правого из них, когда едва не налетел на меня, и это движение мне не понравилось. Больно уж уверенным оно было.

— Ты, мистер, того... смотрел бы, куда идешь, — неприязненно проговорил всадник горловым мальчишеским голосом.

Оглядев меня с головы до ног, он тронулся с места. От его взгляда у меня остался неприятный осадок, и я подумал, что старею, раз любой сопляк с «кольтом»-«громовержцем» 45-го калибра позволяет себе задевать меня. Но делать было нечего. Он уехал, а я вновь отправился на поиски пресловутой хрюшки.

Проходивший мимо старик с тремя зубами в нижней челюсти, радостно ослабившись, сообщил мне, что свинья заболела и поэтому не лежит на своем обычном месте. Теперь я понимаю, что это был знак — знак поскорее убираться из города, пока все еще не пошло кувырком. Но тогда я этого не сообразил и не внял ему, а, получив более человеческие разъяснения по поводу того, как найти дом властелина шлюх, зашагал к нему, осторожно обходя кучи гниющего мусора, валявшиеся на дороге там и сям.

Дом Санчеса и впрямь насчитывал три этажа. По сути, это был не дом, а целый особняк — белый, гармоничный и стройный. Стиль этот, кажется, называется колониальным, но все равно — странно было видеть такое здание после дощатых хибар и немудреных построек, заполонивших улицы Ларедо. Перед домом, словно часовые (или девицы из кордебалета — смотря какое сравнение вам больше по вкусу), выстроились пальмы и еще какие-то деревья, отбрасывавшие на фасад красивую ажурную тень. Вместе все выглядело весьма впечатляюще, но, признаться, в облике особняка было еще что-то от шлюх, которые не скрывают, что влетают покупателям в копеечку. От него разило деньгами, причем большими. Я решил, что дело свое Санчес знает. И знает его хорошо.

У смуглых слуг были горестные лица, соответствующие требованиям момента. Разные люди входили в дом и выходили из него, и мне подумалось, что нет причин и мне не заглянуть туда. Внутри пахло потом, пылью и скорбью. Мебель, насколько я заметил, пыталась ослепить роскошью а-ля *second Empire*¹, но обстановка в общем все равно неизбежно наводила на мысль о борделе, только дорогом. Вы назовете меня циником и будете правы. Зато циник видит вещи, а не их маски, и для него спасительные покровы лицемерия ничего не значат. Чем больше Санчес пытался богатством отгородиться от своего ремесла, тем настойчивее оно напоминало о себе: кричащая обивка стульев, кресел, диванов была дурного тона, а обилие зеркал наводило тоску.

Мужчина, поднимавшийся по лестнице впереди меня, снял шляпу, и я, спохватившись, последовал его примеру. Наконец мы вошли в комнату, где в гробу лежал покойный. Никогда мне еще не приходилось ви-

¹ В стиле Второй Империи (*франц.*).

деть вместе столько рыдающих шлюх, и я остановился как вкопанный. Их было там не менее двух дюжин, и они причитали на разные голоса, вспоминая добродетели Франсиско, щедрость Франсиско, пылкость Франсиско и бог знает что еще. Два монаха истово молились, стоя на коленях и шевеля губами; третий вошел вслед за мной и присоединился к ним. Я посмотрел на Франсиско: пресловутый красавец, которого так расхваливала Эухения, был жирным, волосатым и кривоногим парнем с приплюснутым носом и выпяченными губами. Впрочем, известно, что если у тебя водятся деньги, ты можешь иметь два горба и три глаза, и все равно многие будут считать тебя неотразимым. На лице покойного застыло страдание, но и это не примирило меня с ним. Он мне не нравился мертвый и, я уверен, не понравился бы и живой. Я мог представить себе всю его жизнь: женщины, выпивка, сальные шуточки, от которых он наверняка был без ума, и опять женщины. Могу поспорить, что он всегда расчетливо играл по маленькой, но когда ему случалось проигрывать, выходил из себя и с размаху швырял карты на стол. Скорее всего, он был не в меру суеверен, говорил надменно и спесиво, как истый хозяин жизни, а напившись, первым делом вытаскивал нож и грозился прирезать любого, кто, как ему мерещилось, пытается его задеть. Над его головой висели две жирные мухи.

Чуть поодаль от гроба стоял маленький человечек с седой волнистой гривой до плеч, умным, живым лицом и осанкой короля. Он отдаленно походил на Франсиско, и я понял, что это его отец — Игнасио Санчес. Подойдя к нему, я пробормотал несколько слов утешения, как и все остальные посетители, и поспешил вернуться под сень ажурных пальм. Когда я уходил, одна из присутствовавших девиц схватила руку убитого и стала покрывать ее поцелуями, а вторая начала биться головой о гроб, при этом пытаясь не повредить лицо и сохранить макияж. Понятное дело: горе горем, а завтра ей

все равно придется работать, так что лучше не распускаться.

Я прошелся по городу, отыскивал игорные дома, запомнил, где они находятся, вернулся в гостиницу и загнул как убитый. Утром Франсиско с большой помпой зарыли в землю, но я при этом не присутствовал. Не люблю похороны и отправлюсь только на те, которые не смогу пропустить, то бишь на свои собственные. Да я бы и их с удовольствием переуступил кому-нибудь другому, причем совершенно бесплатно.

Эухения, узнав, что я не осчастливил своим присутствием столь волнующее зрелище, разволновалась и стала визгливым голосом пересказывать мне все подробности: что сказал падре, и сколько слезинок уронил безутешный отец, и как рыдала Минни (девица с красивыми волосами, которая вчера лобзала руку покойного), и... Она разошлась не на шутку, а я только кивал и благожелательно улыбался. Она, наверное, считала Франсиско чем-то вроде наследного принца этой дыры, и если бы я стал ее убеждать, что на свете есть люди (и города) попримичнее, она бы накинулась на меня с негодованием.

В этот день я сначала выиграл в игорном доме семьсот долларов, и мое настроение значительно улучшилось. Но потом я проиграл тысячу и еще пятьдесят долларов сверху и в результате поднялся из-за стола куда более легким, чем сажился за него. На сегодня, решил я, хватит. Но было еще не слишком поздно, и мне не хотелось возвращаться к себе с пустыми карманами. Впрочем, у меня оставалась одна вещь, которой я до сих пор не придавал особого значения, но мне хотелось показать ее Санчесу. И я спросил, нельзя ли мне видеть его.

— Можно, — последовал ответ. — Только оставьте свой револьвер здесь.

Я отдал свой «кольт» охраннику, после чего он быстро обыскал меня, чтобы убедиться, нет ли у меня при себе другого оружия. Санчес сидел у себя в крохотном